

*Профессор Н. Д. УСПЕНСКИЙ,  
доктор Церковной истории*

## КОЛЛИЗИЯ ДВУХ БОГОСЛОВИЙ В ИСПРАВЛЕНИИ РУССКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ В XVII ВЕКЕ

Кто знаком с греческим православным богослужением, тот не может не заметить расхождения его чинопоследований, связанных с таинствами Покаяния и Причащения, с теми же чинопоследованиями Русской Церкви. Так, в русском Требнике чин исповедания завершается разрешительной формулой: «Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо (имярек), вся согрешения твоя: и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». В греческом чине этой формулы нет. В русском архиерейском Чиновнике на литургии Иоанна Златоуста положено лику при произношении слов: «Примите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» делать поклоны, а на литургии Василия Великого при этих же словах архиерею осенять хлеб и чашу крестным знаменем. Кроме того, в обеих литургиях эти слова указано произносить всем сослужащим с архиереем «купногласно, тихим гласом, во едино слово с архиереем: и ни же единым словом предварити кому, или остатися архиерею: по яко из единех уст всем купно реши». Также «купногласно» положено произношение слов «И сотвори убо хлеб сей...» и «А еже в чаши сей... Преложив Духом Твоим Святым» (соответственно в литургии Василия Великого — «Хлеб убо сей...», «Чашу же сию...» и проч.). В греческом Архиратиконе все перечисленные указания отсутствуют. В русском Служебнике имеется статья «Изъявление о неких исправлениях в служении преждеосвященных литургий», в которой запрещается священнику или диакону, должствующему потреблять Преждеосвященные Дары, испивать от чаши после причащения святым Телом, по той причине, что «аще и священо есть вложением частицы вино, но не пресущественно в Кровь Божественную, понеже над ним словеса священия не чтошася zde, яко бывает в литургиях Василия Великаго и Иоанна Златоустаго». В греческом Иератиконе этой статьи нет, и священнослужители, в том числе и должствующий потреблять Преждеосвященные Дары, причащаются по чину литургии Златоустовой.

Все эти расхождения появились только во второй половине XVII века. И как это ни кажется парадоксальным, они возникли в процессе исправления богослужебных книг, предпринятом в целях унификации русского богослужения с греческим. Когда какое-либо grandioзное по замыслу мероприятие приводит к результатам, противоположным намеренным целям, такое положение можно назвать трагическим. В данном случае трагедия усложнялась еще тем, что задуманное патриархом Никоном мероприятие оказалось втянутым в фарватер несвойственных русскому православному сознанию богословских представлений и так сильно, что приостановить это течение были не в силах последующие за Никоном патриархи до патриарха Иоакима включительно.

Причин к этой трагедии было несколько. Сам инициатор исправления богослужебных книг — патриарх Никон, волевой человек, имевший

большое влияние на царя Алексея Михайловича, не обладал теми глубокими богословскими знаниями и ученостью, которыми отличались митрополит Киприан, редактировавший Псалтирь следованную, архиепископ Новгородский Геннадий, попечением которого был сделан первый полный свод библейских книг в славянском переводе (так называемая «Геннадиевская библия»), и составитель Четий-Миней — митрополит Макарий. Показательно, что никаких следов директивных указаний патриарха Никона Московскому печатному двору относительно источников исправления и метода работы справщиков не сохранилось. По-видимому, их и не было. «Слабая сторона подобного способа исправления книг при Никоне и вскоре после него, — писал по этому поводу проф. Н. Ф. Каптерев, — заключалась в том, что не выработано было никаких руководящих определенных начал, никакого определенного плана и метода для ведения книжных исправлений, которыми могли бы руководствоваться в своих работах книжные справщики. Все дело sprawy велось как-то случайно, на основании случайного, находящегося в данную минуту под руками справщиков материала, отчего необходимо являлась неустойчивость и рознь в книжных исправлениях за разное время. Справщики проверяли переводы венецианских изданий ныне по одним древним спискам, завтра — по другим, ныне находили нужным внести в исправляемую книгу из древних списков одно, а завтра — другое. Правда, они из старых книг избирали, по их мнению и убеждению, только лучшее, и это находимое лучшее вносили в наши новоисправленные книги. Но что такое было действительно лучшее в разных старых греческих и славянских списках, из которых каждый служил только отображением данного времени и места? Так как ничего руководящего, определенного в этом отношении установлено и дано не было, то одному справщику казалось в старом лучшем одно, а другому — другое, почему одни справщики, как лучшее, вносили в новоисправленные книги одно, а другие потом заменяли это другим, по их убеждению еще более лучшим. Личному усмотрению и разумению книжных справщиков, хотя и по неизбежной необходимости, так как в справе не было настоящего авторитетного главы и руководителя, давалось слишком много места, а это неизбежно вело к соблазнительной неустойчивости самой книжной справы. При таких порядках, очевидно, чем более проходило времени, тем большее количество появлялось изданий одной и той же книги, несогласных между собой, и самое количество этих несогласий с течением времени все более увеличивалось. Это замечали все, все этим обстоятельством очень смущались и соблазнялись, тем более, что на него постоянно и неустанно указывали противники книжных никоновских исправлений как на очевидное для всех доказательство, что русские церковные книги в действительности не исправляются, а только портятся. В интересах Церкви и самого дела, так или иначе, нужно было прекратить соблазн. Не нашли для этого иного выхода, как решительное запрещение всяких дальнейших попыток исправлять книгу Служебник, которая раз навсегда должна была печататься впредь только в одной определенной редакции, уже не допускающей в себе никаких дальнейших перемен и изменений. Именно собор 1667 года постановил: «Книга служебник, якоже прежде исправися и печатася, и ныне при нас прилежно свидетельствовася от всего освященнаго собора и печатася в лето 7166-е, тако же и впредь да печатают, и никто же да не дерзнет отныне во священнодействии прибавити что или отъяти или изменить. Аще и ангел (по нас) будет глаголати что ино, да не имете сму веры»<sup>1</sup>.

Далеко не благополучно обстояло дело с самими источниками спра-

<sup>1</sup> Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад, 1912, с. 244—245.

вы. Известно, что патриарх Никон посылал за этими источниками на Афон келаря Тронце-Сергиевой лавры Арсения Суханова, который еще в 1649 году ездил на Восток по поручению патриарха Иосифа для сверки тамошней церковной обрядности с обрядностью Русской Церкви.

Арсений отправился на Афон из Москвы в октябре 1653 года и вернулся 22 февраля 1655 года. Приготовленный же к печатанию список Служебника был представлен для рассмотрения его и одобрения Собором в конце марта того же 1655 года, т. е. через месяц после возвращения Арсения Суханова<sup>2</sup>. В предисловии к Служебнику говорилось, что он исправлен согласно «с древними греческими и словенскими». Как могли справщики в течение месяца изучить привезенные Арсением «древние греческие» Евхологионы, сверить их с древними же славянскими, составить новоисправленный текст и переписать его набело? На невероятность сообщения предисловия к Служебнику обратил внимание еще митрополит Макарий, который писал, что автор предисловия «мало заботился о хронологической точности и не везде соблюдал порядок событий»<sup>3</sup>. Однако свидетельство предисловия об исправлении Служебника согласно «с древними греческими и словенскими» до конца прошлого столетия в науке считалось исторически достоверным.

В 80-х годах прошлого столетия известный своими архивными открытиями магистр богословия С. А. Белокуров нашел и опубликовал рукопись под названием «Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском царствии книг древних»<sup>4</sup>. Автор этого документа, архимандрит Сильвестр Медведев, работавший на Московском печатном дворе с 1678 по 1688 год сначала в должности справщика, а затем — книжного хранителя, по поводу исправления Служебника 1655 года писал: «Коварнии челоуецы прежде лестными своими словесы прельстиша святейшаго Никона патриарха, начаша самую ему правду о исправлении книг предлагати, а делом самым ино промышляти... И егда оных человек та хитрость их не познася, оставише они греческие и словенские древние самые книги, начаша правити с новопечатных у немец греческих книг. А в сем предисловии книги служебника пишут они еже ону с греческими древними и словенскими рукописными достоверно исправиши и во всем согласиши, и народ православный увещают. во еже бы оный той книге, яко достоверной, верили и ни в чесом не усумневались, зане справлено с древнегреческих рукописных и словенских книг. А та книга служебник правлен не с древних греческих рукописных и словенских, но снова у немец печатной греческой безсвидетельствованной книги, у нея же и начала несть, и где печатана неведомо. И егда по немалых летех, по указу великаго государя ради достовернаго книжнаго свидетельства и справки, был на печатном дворе справщик из Афонские Святые горы архимандрит Дионисий, иже обита в сем царствующем граде Москве, в Николаевском греческом монастыре, и той ону, у немец печатную книгу служебник, рассмотря, на страницах подписал своею рукою на обличение тья неправья книги словеса бранная, zde писати неприличная. А та книга и ныне обретается в книгохранильнице на печатном дворе. И которой служебник печатан и после сего в лето 7166, а в нем напечатано о святой литургии, яко напечатано по уставу Константинопольские великие церкви и Святые горы и он на той книге подписал своею же рукою «не хочу лгать на великую церковь и на святую гору Афонскую». И от сего писания явно есть, яко тамо не тако. И та книга и ныне в той же хранительнице на печатном дворе... И инья древняя харатейныя книги сло-

<sup>2</sup> С. А. Белокуров. Арсений Суханов. М., 1891, с. 334—336.

<sup>3</sup> Митрополит Макарий. История Русской Церкви. Т. XII, СПб., 1883, с. 176.

<sup>4</sup> Опубликовано в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских» (далее — ЧОИДР), 1885, кн. IV, М., 1886.

венския, которыя на соборе от святѣйших патриархов и от всех архiereев и от всего собора свидѣтельствованы, яко во всем согласны с древними греческими книгами, с которых поставлено было править московския печатныя книги, и те древния словенския харатейныя книги чернены противу новопечатных у немец греческих книг»<sup>5</sup>.

Заметим, что Медведев не принадлежал к тем, кто считали себя «ревнителями древлего благочестия». Это был человек недюжинных способностей и широкого кругозора, положительно относившийся к исправлению богослужебных книг. Чувство благоговения перед Никоном, быть может, уже умершим тогда, когда Сильвестр писал свое «Известие...», сказывается на многих страницах этого исторического документа.

Что же узнаём из этого документа? Из слов Сильвестра выходит, что патриарх Никон, приступая к исправлению Служебника, имел в виду редактировать его на основе древнегреческих и славянских рукописных, что соответствовало решению собора 1654 года: «Чтобы впредь быти исправлению в печатном тиснении Божественным книгам против древних харатейных и греческих книг, уставов, потребников, служебников и часословов». В действительности же исправление Служебника проводилось «с новопечатных у немец греческих книг», причем эти книги не проверялись по древнегреческим и славянским рукописным, а наоборот, последние «были чернены противу новопечатных у немец греческих книг». Надо понимать, что справщики в отдельных случаях просто зачеркивали в рукописных книгах те места, которые им казались противоречащими новопечатным книгам.

С. А. Белокурову удалось найти в библиотеке Московской синодальной типографии и ту «у немец печатную греческую безсвидѣтельствованную книгу», о которой писал Сильвестр Медведев. Это оказался греческий Евхологион венецианского издания 1602 г.<sup>6</sup> Говоря языком Медведева, она действительно была бессвидѣтельствованной. У нее не было титульного листа. Подтвердилось и сообщение Медведева о том, что Дионисий написал на этой книге «бранные словеса». На обороте 4-го листа, там, где в связи со словами «дѣякон: премудрость, прости, услышим святаго Евангелія, иерей: мир всем» указывалось иерею «наносить» (ἐπιφέρει), очевидно, делать движение подобное тому, которое делает католический священник, вознося руки при словах Dominus vobiscum, — на поле оказалась надпись: «Собакин, б....н сын, худо исправилено печатал zde». Итак, сообщение Медведева о том, что при издании Служебника 1655 года справщики руководствовались «у немец печатной греческой безсвидѣтельствованной книгой, у нея же и начала есть и где печатана неведомо», подтвердилось.

Насколько же были использованы греческие рукописные книги, за которыми Арсений Суханов ездил на Афон? Изучив все книжные фонды, которые поступили в Москву с Афона, С. А. Белокуров установил, что из 498 рукописей, привезенных Арсением Сухановым, только 3 Евхологиона, 3 Типикона и 1 Часослов могли бы быть используемы при исправлении богослужебных книг вообще. Все прочие рукописи не имели отношения к исправлению богослужебных книг. Это были, главным образом, книги для домашнего чтения, как, например, слова и беседы Иоанна Златоуста, беседы Макария Египетского, слова подвижническия Василия Великого, творения Григория Назианзина, Иоанна Лествичника, патерики, лавсаики, торжественники. Более того, наряду с святоотеческими творениями оказалось около 50 рукописей нецерковной

<sup>5</sup> ЧОИДР, 1885, кн. IV, с. 13—14.

<sup>6</sup> По старой нумерации библиотеки она значилась под № 2619, а по новой — № 81. Место хранения в настоящее время — Государственный Исторический музей, Синодальное собрание.

письменности, например, книга эллинского философа Троя, философа Афилистрата, философа Фоклея Еллина, Аристотелева Преестественная, Максима, епископа Кифирского, о животных морских, Стравона философа о землетрясении и т. п.<sup>7</sup> Короче говоря, работая над редактированием Служебника, справщики могли использовать только 3 Евхологиона, но следов этого использования в самом Служебнике 1655 года мы не видим. Ни в афонских Евхологионах, ни в русских печатных Служебниках до Служебника 1655 года нет указания на пение гимна «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Тронце единосущней и нераздельней» (указывалось только «Достойно и праведно»), отсутствовала в литургии Василия Великого фраза «Преложив Духом Твоим Святым» и не было указания на пение «Видехом свет истинный». Очевидно, справщики внесли эти дополнения в Служебник 1655 года из какого-то или из каких-то других источников.

Изучение источников Никоновской sprawy продолжил проф. А. А. Дмитриевский. Он установил, что в основу Служебника 1655 года был положен Стратинский Служебник Львовского епископа Гедеона Балабана, изданный в 1604 году, но с весьма значительными исправлениями по венецианскому греческому Евхологиону 1602 года (см. выше у Медведева: «у немец печатная греческая безсвидетельствованная книга»). В издании, датированном 1656 г., были использованы также: ответная грамота Константинопольского патриарха Паисия на вопросы «О церковных потребах», о которых писал ему в 1654 году патриарх Никон, Киевский Служебник, изданный в 1620 году архимандритом Елисеем Плетенецким, и Служебник митрополита Петра Могилы, изданный в 1629 году<sup>8</sup>. Таковы были главные источники sprawy Служебника.

Само по себе исправление богослужебных книг по печатным изданиям еще не опорочивало бы эти книги, если бы печатные издания были пригодными «да во всем великая Россия православная со вселенскими патриархи согласна будет», но этой-то доброкачественности в вышеуказанных западных печатных изданиях не было.

В 1596 году в юго-западной Руси, подпавшей под политическую власть Польши, была установлена уния православного населения этого края с Римско-Католической Церковью. Уния носила экспансионистский характер, и униаты встречали сопротивление со стороны православных епископов. Такими были вышеуказанные епископ Львовский Гедеон Балабан (†1607 г.), являвшийся для православных западно-руссом экзархом Константинопольского патриарха Мелетия, митрополит Киевский Петр Могила (†1647) и другие.

Одним из средств противодействия унии среди православного населения служила издательская деятельность и организация училищ. Но эти училища были молодыми сравнительно с католическими университетами и уступали последним в смысле квалифицированности учительских кадров. К тому же обучение в них зачастую проводилось по католическим учебникам. Все это налагало известный отпечаток на богословские воззрения ревнителей Православия. Как на пример укажем на изложение в Служебниках Гедеона Балабана, Елисея Плетенецкого и Петра Могилы священнодействий освящения свхаристических Даров. По православному учению, основывающемуся на святоотеческом богословии, освящение совершается наитием Святого Духа и в этом отношении епиклесис является кульминацией евхаристической молитвы. Поэтому с епиклесисом соединено осенение освящаемых Даров крестным зна-

<sup>7</sup> Подробное описание привезенных Арсением Сухановым с Афона рукописей дано С. А. Белокуровым в его магистерской диссертации «Арсений Суханов» (М., 1891, с. 352—416).

<sup>8</sup> А. А. Дмитриевский. Отзыв о сочинении М. И. Орлова «Литургия святого Василия Великого». СПб., 1911, с. 256—257.

нением. По учению Римо-Католической Церкви, освящающими евхаристические Дары являются установительные слова Господа, поэтому с произношением их католический священник благословляет хлеб и чашу и после каждого из благословений делает поклон.

В Служебнике Гедеона Балабана в соответствующем месте читаем<sup>9</sup>: «Также преклон главу с умилением и вздвиг десницу свою и показывает над святой хлеб и благословляет его глаголя с возглашением: Примете, ядите... Лик: Аминь. Диакон же показывает святого дискоса орарем трома персты десныя руки, иерей же в тай: Такжеже и чашу по вечери глаголя... Таж паки вздвиг десницу свою над святую чашу и благословляет глаголя с возглашением: Пийте от нея вси...» (л. 150—151). Это в чине литургии Златоуста.

«Иерей преклоняет главу и вздвиг десницу свою, с страхом благословляя святой хлеб, возглашает глаголя: Дасть святым Своим учеником... Лик поет: Аминь. Иерей же и диакон таяжде и zde творят подобне Златоустаго литургии. Иерей в тай: Такжеже и чашу от плода лозняго взем, налив, благодарив, освятив.

Взглашает иерей, руку имеяй свыше с страхом и благословляя глаголет: Дасть святым Своим учеником...» (л. 299). Так говорится в чине литургии Василия Великого в том же Служебнике.

У Елисея Плетенецкого в чине литургии Златоуста: «Таже преклонь главу с умилением и вздвиг десницу и показывает над святой хлеб и благословляет его глаголя с возглашением: Примете, ядите...

Таж паки вздвиг десницу свою над святую чашу и благословляет глаголя с возглашением: Пийте от нея вси...» (с. 100).

В литургии Василия Великого: «Иерей преклоняет главу, вздвиг десницу свою с страхом благословляет святой хлеб, возглашает глаголя: Дасть святым...

Взглашает иерей, руку имеяй свыше с страхом и благословляя глаголет: Дасть святым...» (с. 151).

В Служебнике Петра Могилы, изданном в 1629 году, в литургии Иоанна Златоуста читаем: «Таже всклонь главу с умилением и вздвиг десницу свою, и сложив персты, аки благословити, показывает на святой хлеб, глаголя с возглашением: Примете, ядите... Лик: Аминь» (с. 58).

«Паки вздвиг десницу свою над чашу, сложив персты, глаголет с возглашением: Пийте от нея вси...» (с. 59).

Далее на с. 61 говорится: «Подобает ведати, аще бы тепл сущ святой агнец на заколении обращен был взнак, zde подобает превратити его крестом горѣ. И тако творити призывание Святого Духа над святыми Дары» (следует произношение слов «И сотвори убо хлеб сей...» и проч. с указанием на благословение освящаемых Даров).

Почти дословно все то же указано в литургии Василия Великого (с. 178—179 и 182—183).

В издании же 1639 года наблюдается определенный крен в сторону западного схоластического учения о Евхаристии. Хотя благословение Даров во время епиклесиса здесь указано, однако слова «И тако творити призывание Святого Духа над Святыми Дары» опущены (с. 320—321 в литургии Иоанна Златоуста и с. 519—521 в литургии Василия Великого). О благословении же при произношении слов: «Примите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» сказано: «Абие иерей преклонив главу со умилением и всяким вниманием, помышляя еже претворитися святому хлебу в Тело распятого Христа Бога нашего, прилагая к сему и свое произволение и вздвиг десницу свою, сложив персты, аки благословити, и зря на святой хлеб показывает над ним и благословляя его возглашает, глаголя (с. 314): Примете, ядите... Сему же глаголему, диакон преклонив и сам главу свою, держа орарь тремя персты десныя руки,

<sup>9</sup> Текст привожу с делением на абзацы, как он изложен в служебниках — Н. У.

показует святой дискос. Иерей же низко поклоняся Божественному Христову Телу однаши, тайно глаголет: Такожде и чашу по вечери глаголя.

Паки иерей преклонь главу со умилением и всяким вниманием, помышляя еже претворитися святому вину в Кровь Христа Бога нашего, от святых ран Его излианную, прилагая к сему свое произволение, вздвиг десницу (с. 315) свою над святою чашею, сложив персты и зря в святую чашу на святое вино, показуя и благословляя, возглашая, глаголет: Пийте от нея вси... Диакон же такожде преклонь свою главу, держа орать тремя персты десныя руки, показует иерею святой потир. Иерей же низко поклоняся однаши Божественным Тайнам, главу преклонь, глаголет молитву сию: Поминающе убо...» (с. 316)<sup>10</sup>.

Приведенное место отражает не только учение о времени пресуществления Святых Даров, но и неведомое еще в эпоху Флорентийской унии и провозглашенное на Тридентском Соборе учение об *Intentio* («Помышляя еже претворитися... прилагая к сему и свое произволение»).

Заметим, что влияние на митрополита Петра Могила схоластического богословия в конце его жизни усиливалось. В 1646 году митрополит издает Евхологион (Требник), в котором в духе схоластического богословия излагает учение о материи и совершительной формуле таинств, указывает на наличие у священника *Intentio* как условия, необходимого для действительности совершаемого им таинства. И здесь мы сталкиваемся с новым парадоксом. Составляя Евхологион в духе схоластического богословия, Петр Могила полагал, что он восполняет в православном богослужении то, что до него там было опущено по неведению. В предисловии к Евхологиону он сокрушается, что уннаты «разными досадами и обидами безстыдные называючи духовных наших неукнами... волаючи иж Русь православная з'еретичила личбы формы, материи, интенции и skutков Таин Божиих не знает» (л. IV). Учить в духе схоластического богословия и в то же время защищать Православие — это было свойственно не одному митрополиту Петру, но и многим украинским поборникам Православия в то время.

Воссоединение Украины с Московским государством вызвало оживленные связи между Москвой и Киевом в разных областях культуры, в том числе и церковные. Киевские богословы, монахи и другие церковные деятели нашли в Москве приют и возможности для своей просветительной деятельности. Иеромонах Епифаний Славинецкий, затем его ученик по Киевской академии Евфимий и Иван Озеров получили должность справщиков (редакторов) на Печатном дворе, а Евфимий вскоре занял место ведущего справщика.

Патриарх Никон в деле исправления богослужебных книг положился на богословскую компетентность и православность воззрений киевских ученых, поскольку украинские богословы были известны как ревностные защитники Православия в борьбе с унией. Но он не учел того обстоятельства, что и сам митрополит Петр Могила и кандидаты на учительские должности в учрежденной им академии по требованию того же митрополита получали высшее богословское образование в латинопольских школах. Воспитанные в схоластическом богословии украинцы в Москве должны были неизбежно столкнуться с русскими православными воззрениями, сложившимися веками на святоотеческом богословии. Была неизбежна коллизия двух богословий, и пунктом столкновения их было учение о таинстве Евхаристии, вокруг которого формировалось само схоластическое богословие. Дошедшие до нашего времени трактаты и другие документы, относящиеся к происходившей в Москве во второй половине XVII века богословской полемике по вопросу о времени пресуществления Святых Даров, служат убедительным свидетель-

<sup>10</sup> То же в чине литургии Василия Великого, с. 510—513.

ством происходившей коллизии двух богословий. Печатный двор оказался местом, где эта полемика адаптировалась в литургических формах, причем адаптация отличалась непоследовательностью действий участников книжного исправления<sup>11</sup>.

Коллизия намечалась еще при предшественнике патриарха Никона — патриархе Иосифе, когда в Служебнике, изданном в 1651 году, в литургию Иоанна Златоуста было внесено указание на совершение поклонов при произношении слов Господа: «Примите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» Это указание было сохранено и в Служебнике 1652 года, вышедшем из печати при патриархе Никоне. Как видно из предисловия к этому Служебнику, Служебник 1651 года перед его выходом обсуждался советом архиереев, в числе которых был и Никон, тогда митрополит Новгородский и Вслсколуцкий. Поэтому Никон и переиздал этот Служебник в первый год своего патриаршества. Но спустя четыре года патриарх нашел издание ошибочным и приступил к переизданию в исправленном виде. В новом издании (1655 г.) указание на совершение поклонов в чине литургии Иоанна Златоуста было изъято, но была внесена новая погрешность, худшая, чем та, которую устранили. В чине литургии Василия Великого было сделано указание: «Священник преклоняет главу, воздвиг десницу свою со благоговением, благословляет святыи хлеб, возглашает, глаголя: Даде святым Своим учеником и апостолом рек: Примите, ядите... (с. 468) Возглашает священник, руку имеяи свыше со благоговением, и благословляя, глаголет: Даде святым Своим учеником и апостолом рек: Пийте от нея вси...» (с. 469), т. е. так, как это указано в Служебниках Гедеопа Балабана и Елисея Плетенецкого. Не успел выйти из Печатного двора Служебник 1655 года, как потребовалось перепечатать «80 четверток». Это было 24 сентября, а 26 октября последовал новый указ патриарха — «в те книги служебники переделывать 95 четверток». Итак, три издания, датированные одним и тем же 1655 годом!

Профессор А. А. Дмитриевский, сличив эти издания, обнаружил еще четвертое, тоже датированное 1655 годом. По этому поводу он писал: «Все эти издания, сохраняющие одну и ту же дату предисловия 31 августа и одинаковую пагинацию, в текстуальном отношении весьма сильно разнятся друг от друга, причем разности между изданиями мы наблюдаем не только в несколько строк, но иногда в страницу, в две и больше (сличи стр. 282, 283, 329, 496 и др.). В этом последнем случае, чтобы сохранить пагинацию первого издания, одна и та же страница повторяется дважды, иногда счет идет не по страницам, а по листам, а иногда листы даже остаются совершенно без пометы страниц»<sup>12</sup>. В январе 1656 года четырежды исправленный Служебник Евфимий отнес к патриарху для новой «справы», и «тот служебник на соборе чернен», т. е. был подвергнут исправлениям. В результате 31 июля 1656 года вышло вновь исправленное издание.

Итого 6 изданий, считая первым издание 1652 года. Заметим, что указанное количество изданий совпадает с челобитными Алексею Михайловичу противников книжного исправления — попа Никиты Добрынина (он же Никита Пустосвят) и диакона Феодора, из которых первый писал: «Шесть бо выходов его Никоновых служебников в русийское государство насилством разослано: а все те служебники меж собою разгласуются и не един с другим не согласуются»<sup>13</sup>. «Напечатали

<sup>11</sup> См. Г. Миркович. О времени пресуществления Св. Даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века. Вильна, 1886; Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937.

<sup>12</sup> А. А. Дмитриевский. Отзыв о сочинении М. И. Орлова «Литургия святого Василия Великого». СПб., 1911, с. 254–255.

<sup>13</sup> Н. И. Субботин. Материалы по истории раскола за первое время его существования, т. IV. М., 1878, с. 109.



служебники шесть выходов, — писал Феодор, — а все меж собою не согласуют во многих местех, сначала и в концах»<sup>14</sup>. Затем следовал еще ряд изданий: 5 мая 1657 года, 10 декабря 1658 года, 15 мая 1658 года и 1 июля того же, 1658 года. В этих изданиях делались частично дополнения и изменения, касающиеся отдельных обрядов чинопоследования литургии, например, в Служебнике 1655 года было указано вынимать из третьей просфоры девять частей (с. 189—195), а не одну, как это полагалось в предыдущих изданиях. Было указано относительно заздравной и заупокойной просфор: «накоеждо имя взимает частицу, приглаголя: помяни Господи» (с. 198). Была внесена в литургию Иоанна Златоуста заупокойная ектения с оговоркой, что она произносится «аще ли будет о усопших приношение» и что эта ектения «в греческом, от него же книга сия исправися, не обретесея, также и молитва за усопших» (с. 253—256). Было указано колебание воздуха во время символа веры (с. 300) и несколько изменен «Указ о раздроблении Агнца» (с. 346—350), впервые помещенный в Служебнике издания 1647 года (с. 161—163). В Служебниках 1656 года «Указ о раздроблении Агнца» был изложен более пространно (с. 469—475) и было указано опускать диакону частицы в чашу по причащении мирян, с чтением: «Воскресение Христово видевше...», «Светися, светися...», «О Пасха велия...» и «Отмый, Господи...» (с. 487—488). Но осенение хлеба и чаши крестным знаменем при произношении установительных слов Господа на литургии Василия Великого сохранялось неизменно, в то время как в литургию Иоанна Златоуста оно не было внесено. Эта непоследовательность продолжала оставаться в послениконовских изданиях 1667, 1668, 1670, 1676, 1684 и 1693 годов.

В 1676 году при патриархе Иоакиме в Служебник было внесено «Изъявление о неких исправлениях в служении преждеосвященных службы». Оно касалось совершения великого входа и причащения священнослужителей. Его назначением было подчеркнуть, что «аще и священо есть вложением частицы вино, но не пресущественно в Кровь Божественную, понеже над ним словеса священия не чтошася zde, яко бывает в литургиях Василия Великаго и Иоанна Златоустаго». Это подчеркивалось необычным порядком совершения входа, на котором полагалось нести дискос и чашу самому иерею, «ничтоже глаголя», в молчаливом опускании в чашу части Иисуса и вливании теплоты, в формуле причащения: «Честное и святое Тело и Кровь Господа и Бога...» и в запрещении должствующему потреблять Святые Дары священнослужителю испивать от чаши по мотиву, якобы в ней не святая Кровь, а вино, хотя и освященное.

Что касается необычного порядка совершения великого входа, то он таким же излагается и в греческом Иератиконе<sup>15</sup>, и это еще нельзя назвать показательным для той цели, с какой о нем говорится в «Изъявлении».

В древней Церкви не только принесение хлебов к алтарю, но и отнесение в скевофилакию Святых Даров, оставшихся после совершения Евхаристии<sup>16</sup>, а равно и разношение их по домам отсутствовавшим на Евхаристии<sup>17</sup>, входило в обязанность диакона, откуда возникла традиция потребления Святых Даров диаконом. Поминования же на великом входе до XV века вообще не существовало. Но Греческая Церковь все, что касается причащения на литургии Преждеосвященных Даров, начиная от раздробления Агнца, совершает по чину литургии Иоанна Златоуста<sup>18</sup>.

<sup>14</sup> Там же, т. VI. М., 1881, с. 22—23.

<sup>15</sup> *Ἱερατικόν... Κωνσταντινοπόλις*, 1895, σελ. 138.

<sup>16</sup> Постановления Апостольские, VIII, 13.

<sup>17</sup> Иустин Мученик. Апология I-я, гл. 67.

<sup>18</sup> *Ἱερατικόν...*, σελ. 141.

Греческая практика причащения на литургии Преждеосвященных Даров по чину литургии Иоанна Златоуста, т. е. как от чаши святой Крови, прослеживается в глубь истории богослужения более, чем на тысячелетнюю давность. Сохранилось, например, послание неизвестного Константинопольского патриарха XI века к некоему Павлу, избранному во епископа гор. Каллиполя (по предположению — город в Южной Италии), в котором патриарх писал о литургии Преждеосвященных Даров: «В последнее воскресенье сырной седмицы, при совершении полной литургии святые хлебы приготавливаются не в обычном, но в большем количестве. По причащении они хранятся до пятка в особом ковчеге, причем святая Кровь не вливается в них, ибо в постные дни ежедневно при совершении преждеосвященной литургии приготавливается и освящается чаша, в которую влагается освященный ранее Хлеб, возвышаемый и преломляемый. И какая нужда примешивать святую Кровь к Божественному Хлебу? Ибо преждеосвященная литургия совершается лишь ради освящения чаши». Далее патриарх разъясняет, что Божественный Хлеб напаяется святой Кровью лишь для домашнего причащения отшельникам, не желающим нарушать свое безмолвие, и затем для напутствия больных; для последней цели запасные Святые Дары, по словам патриарха, оставляются после каждой полной литургии и хранятся лишь до следующего утра; неиспользованные, они потребляются натошак чистым отроком; в Четыредесятницу, ввиду сравнительной редкости полной литургии, запас Святых Даров делается на более продолжительный срок<sup>19</sup>.

Другое свидетельство принадлежит студийскому монаху Никите Стифату (XI в.). «По нашему преданию, — говорит он, — мы служим полную литургию (в Четыредесятницу) по субботам и воскресным дням в третий час, в который Святой Дух сошел на апостолов; тогда, совершая приношение, освящаем Дары, из которых сохраняем достаточное количество на целую седмицу; в девятый час завершив все богослужение, в заключение вечерни мы, переезжая с диаконами, творим вход с одним лишь кадиллом, и после чтения пророков, совершив установленные Василием Великим молитвы, перенеся с предложения Дары, помолившись над ними, прибавив к этому еще преданную нам Господом молитву, мы возвышаем Хлеб, говоря: Преждеосвященная Святая святым, затем, совершив соединение, причащаемся»<sup>20</sup>. Что означают слова Никиты Стифата «совершив соединение», это видно из Устава Великой Константинопольской церкви, писанного в первой половине XI века<sup>21</sup>.

Здесь в чинопоследовании преждеосвященной литургии говорится, что «в соединение же (т. е. когда наступит время для этого священнодействия) один из священников, войдя в скевофилакию, влагает части в потиры. Вслед за ним и главный иподиакон вливает вино и теплоту, говоря: Благослови, владыко, священник же говорит: Соединение Духа Святаго»<sup>22</sup>.

Другое свидетельство, дополняющее предыдущие, принадлежит патриарху Константинопольскому Михаилу (1143—1146), который писал в «Извещении царю» о преждеосвященной литургии: «В каждое воскресенье из посвящаемых у нас для поста честных дней, по священнопреданному последованию и учению, освящаются преждеосвященные хлебы. Из освященных таким образом святых хлебов, совершенных, животворящих и полных Божественными дарованиями, сохраняется, сколько бывает нужно и сколько требуют обстоятельства. К этим хлебам,

<sup>19</sup> J. Cozza Luzi. *Patrum Nova Bibliotheca*, X, 1905, pars 2, p. 169.

<sup>20</sup> *Libellus contra Latinos*. Migne, P. G., t. 120, col. 1011.

<sup>21</sup> Устав был открыт проф. А. А. Дмитриевским в 1896 году в Дрезденской национальной библиотеке, где он значился под № 140.

<sup>22</sup> А. А. Дмитриевский. *Древнейшие патриаршие типиконы...* Киев, 1907, с. 330.

которые признаются и действительно суть самое животворящее Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, не приливается ни одной капли Божественной Крови, и они так отлагаются без окропления святой Кровью. В каждый из постных дней, когда не совершается полной литургии, они переносятся из места предложения на святую трапезу в алтаре и над ними не произносится ни одной из таинственных и освятительных молитв, но иерей творит лишь единственную молитву с ходатайством о том, чтобы ему быть достойным причастником предлежащих святынь. Во время святого причащения, немного ранее его совершения, диаконы касаются стоящих (на престоле) святых чаш и приглашают не как на полной литургии: *Исполни, владыко, но: Благослови, владыко, и после того как священник ответит: Благословен Бог наш всегда, — влагается преждеосвященный и ранее совершенный святой хлеб в таинственную чашу и содержащееся в последней вино прелагается в святую Кровь Господню и признается прелагающимся»*<sup>23</sup>.

Приведенные свидетельства — константинопольского происхождения, что в данном случае весьма важно, так как Константинополь в ту пору являлся центром церковной жизни православного Востока. Из этих свидетельств видно, что в ту пору существовало два вида Преждеосвященных Даров: одни преждеосвященные хлеба, которые не напоились святой Кровью, предназначались для преждеосвященных литургий, другие же, напоаемые святой Кровью, предназначались для домашнего причащения отшельников и для напутствования больных. На преждеосвященной литургии часть ненапоаемого хлеба опускалась в чашу с вином, над которой не совершалось никаких «таинственных и освятительных молитв». Иерей молился только о том, чтобы ему «быть достойным причастником предлежащих святынь»; когда же часть святого хлеба влагалась в чашу, священник только говорил: «Соединение Святого Духа» (у Никиты Стифата) или: «Благословен Бог наш всегда» (у патриарха Михаила). Вино, в которое, таким образом, была опущена часть святого Тела, признавалось как прелагающееся в Кровь Господню, равночестную святой Крови в чаше на полной литургии. («И какая нужда пришеивать святую Кровь к Божественному Хлебу? Ибо преждеосвященная литургия совершается лишь ради освящения чаши»).

К концу XII века становится известной практика опускать в чашу частицу святого Тела, напоенную святой Кровью. Полагают, что такая практика возникла в связи с широким употреблением запасных Святых Даров, которыми причащали не только больных, но и присоединяемых к Православной Церкви из ересей, сочетающихся браком, коронуемых императоров и даже возводимых на высшие государственные посты чиновников и, наконец, тех людей из народа, которые постились до вечера, но по каким-либо житейским обстоятельствам опоздали к преждеосвященной литургии. Над последними читалась особая «молитва над причащающимися поздно», в которой они именовались «запатыми житейскими соузами и закоснившими к причащению святого Тела»<sup>24</sup>. Лев Алляций приводит ответ неизвестного, возможно, Иоанна Китрского († нач. XIII в.), о сравнительной правильности обеих практик приготовления Преждеосвященных Даров (с напоением святой Кровью и без напоения). «Я во многих местах видал, что одни иереи, собираясь полагать на хранение Преждеосвященные Дары, помазуют их посредством лжицы Кровию Господней и в таком виде берегут их, другие же ничего

<sup>23</sup> «Извешение папо» — *Τὸ δὲ ἀγιωτάτω καὶ οἰκουμένην πατριάρχου κυρίου Μιχαήλ ἀγγλωσίτ πρότ τὸν βασιλέα...* М. Γ' ε δ ε ζ η. Ἀρχαῖον ἐκκλησιαστικὴς ιστορίας, I, 1911, σελ. 29—35. Я заимствую у И. А. Карабинова — «Св. чаша на литургии Преждеосвященных Даров». Пгр., 1915, с. 6.

<sup>24</sup> И. Карабинов. Цит. соч., с. 7—8. Здесь же приводятся исторические свидетельства столь широкой практики причащения запасными Дарами.

подобного не делают, что же правильнее? Нам, старающимся соотносить духовное с духовным, кажется, что ни те, ни другие не уклоняются от правильности. Ибо одни, чтобы сохранить некий остаток преждеосвященного и невидимо преложившегося в Кровь, делают это чрез помазание хлебов, другие же, считая, что преложившегося уже в Тело Христово хлеба достаточно, чтобы претворить вливаемое вместе с ним во время причащения вино в Кровь и сообщать им освящение причащающимся, не делают ничего подобного, но довольствуются хранением одних преждеосвященных хлебов. Так представляется нам дело. Так как в Великой церкви мы видим соблюдающимся второй обычай, то должно и нам следовать ему»<sup>25</sup>.

Из приведенного рассуждения видно, что для освящения вина на преждеосвященной литургии в Кровь Господню считалось равносильным употреблению Агнца как напоенного святой Кровью, так и ненапоенного. Автор рассуждения предпочитал употребление ненапоенного, как соблюдаемого Константинопольской Церковью.

В XV в. общепризнанной являлась практика причащения Агнцем, напоенным св. Кровью, но чаша по-прежнему считалась освященной в Кровь Христову через соединение вина с опущенной в нее частью Агнца. Об этом блаж. Симеон Солунский писал: «...Преждеосвященные Святейшие Дары не получают ничего от присовокупляемых к ним молитв, потому что это — дары совершенные... в священный потир, без чтения известной молитвы, вливаются вино и вода, чтобы, по растворении в них Божественного Хлеба и Крови, которою он напоен уже по чину литургии, эти вещества в потире своим причастием освятились и чтобы священник, по чину литургии, мог приобщиться и от хлеба, и от чаши и преподать приобщение имеющим в нем нужду: лицам священным в алтаре, по обычаю, а мирянам — лжицею. Поэтому, и желая кого-нибудь приобщить Таин без литургии, мы приобщаем так: берем частицу соблюдаемого на такой случай хлеба и влагаем его в вино с водою, даже часто пользуемся и одним сухим Животворящим хлебом, как соединенным с Кровию. Здесь же, на литургии Преждеосвященных Даров, это делается для исполнения устава приобщения, как сказано, и чтобы больше можно было приобщить лиц, если нужно. Итак, находящееся на преждеосвященной литургии в потире освящается не призыванием и запечатлением Святого Духа, но причастием и соединением с Животворящим хлебом, который, поистине, есть Тело Христово в соединении с Кровию»<sup>26</sup>.

Вера в претворение вина в Кровь Христову посредством соединения этого вина с Телом Христовым была присуща не только Греческой Церкви. Иаков, епископ Едесский (†708), писал: «Святая чаша бывает хранима или ради больных, находящихся в ожидании смерти, или ради постящихся, которые постятся до глубокого вечера. Кроме этих двух случаев, хранить чашу для будущего времени не следует. Ибо если есть святое Тело, то священнику остается только совершить благословение чаши»<sup>27</sup>.

Как это делать, об этом в яковитском Служебнике говорится: «*Tum accipit Hostiam, eaque calicem consignat tribus vicibus, inquit. Ut uniat, et sanctificet, et convertat mistum, quod in hoc calice est in salutarem ipsius Christi Dei nostri sanguinem in remissionem peccatorum*» («Тогда берет святое Тело и трижды с благоговением осеняет им чашу.

<sup>25</sup> L. Allatius. De missa praesanctificatorum. Цитирую по работе проф. И. А. Карабинова «Святая чаша...», с. 8, примеч. 19.

<sup>26</sup> Responsa ad Gabrielem Pentopolitanum. Migne. P. G., t. 155. col. 909. Русский перевод см.: Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. III, СПб. 1857. с. 186—187.

<sup>27</sup> I. Assemani. Bibliotheca Orientalis, III, 1, p. 246.

Когда же соединит, освятит и претворит, тогда в этой чаше — спасительная Кровь Самого Христа Бога нашего, в оставление грехов») <sup>28</sup>.

Учение о претворении вина в Божественную Кровь через соединение с евхаристическим хлебом было свойственно и Римской Церкви. Словно ирония над схоластическим учением, утверждающим невозможность претворения вина в Святую Кровь без совершения над ним евхаристических молитв, звучит сказанное в Сакраментарии папы Григория Великого (Двоеслова) о совершении литургии Преждеосвященных Даров в Великую Пятницу: «Presbyteri vero duo priores, mox ut salutaverint, intrant in sacrarium, vel ubi positum fuerit corpus Domini, quod pridic remansit, ponentes illud in patena; et subdiaconus teneat ante ipsos calicem cum vino non consecrato, et alter patenam cum corpore Domini quibus tenentibus, accipit unus presbyter patenam, et alter calicem, et deferunt super altare nudatum. Pontifex vero sedit dum persalutet populus crucem: nam salutante pontifice, vel populo crucem, canitur semper Antiphona «Ecce ilgnum crucis». Dicitur Psalmus CXVIII. Qua salutata et reposita in loco suo, descendit Pontifex ante altare, et dicit...» («Два же первых пресвитера, благоговейно поклонившись, входят в сакрарий или где может быть Тело Господа, которое накануне было оставлено, и полагают его на блюдо; и иподиакон держит перед ними чашу с вином, которое не освящено. Один же из этих пресвитеров, полагавших Тело Господа на блюдо, берет это блюдо, а другой — чашу и относят на раскрытый алтарь. Первосвященник же сидит, пока народ один за другим целуют крест. Потому что когда первосвященник или народ целует крест, все время поются антифоны «Се древо креста» и (говорится) псалом 118. По целовании же и возвращении (всех) на свои места первосвященник сходит к алтарю и говорит...» Следует молитва Господня «Отче наш...» и молитва о помиловании предстательством Приснодевы Богородицы Марии и блаженных апостолов Петра, Павла и Андрея и всех святых) <sup>29</sup>.

Далее читаем: «Cum dixerint Amen, sumit de sancta, et ponit in calicem nihil dicens. Et communicant omnes cum silentio, et expleta sunt univversa» («Когда скажу Аминь, берет святыню и опускает в чашу, ничего не говоря. И все причащаются с безмолвием, и все заканчивается») <sup>30</sup>.

По-видимому, это была общецерковная традиция, обязанная своим происхождением особым условиям жизни Церкви в первые века ее существования. Во время гонения многие христиане часто, если не ежедневно, причащались у себя на дому, для чего приносили святое Тело из воскресного молитвенного собрания. Вряд ли они могли приносить и святую Кровь, так как это было гораздо более сложным делом, чем принесение евхаристического хлеба. Если слова Иустина Мученика: «...Следует раздавание каждому и причащение даров, над которыми совершено благодарение, а к неприсутствовавшим они посылаются через диаконов» <sup>31</sup> могут быть понимаемы как указание на причащение на дому не только Телом, но и Кровью, то слова Тертуллиана: «Не заметит ли он, что ты как будто нечто втайне отведываешь после ужина? И когда узнает, что это не иное что, как хлеб, то что он в состоянии подумать на твой счет в своем невежестве?» <sup>32</sup> и Василия Великого: «...Нимало не опасно, если кто во время гонений, за отсутствием священника или служащего, бывает в необходимости принимать причастие собственной своей рукой; это доказывать было бы излишним, потому что долговременный обычай удостоверяет в этом самим делом. Ибо все монахи, жи-

<sup>28</sup> I. A s s e m a n i. Bibliotheca Orientalis, III, 1, p. 246.

<sup>29</sup> M i g n e. P. L., t. 78, col. 86 B, C, D.

<sup>30</sup> Там же, col. 87 A.

<sup>31</sup> Апология 1-я, гл. 67.

<sup>32</sup> Письмо к жене, II, 5. Творения в русск. перев. Ч. 1, СПб., 1849, с. 219.

вущие в пустыне, где нет иерея, храня причастие дома, сами себя причащают. В Александрии и в Египте каждый крещеный мирянин по большей части имеет причастие у себя дома и сам причащается, когда хочет. Ибо, когда иерей однажды совершил и преподал жертву, принявший ее как всецелую, причащаясь ежедневно, справедливо должен веровать, что принимает и причащается от самого преподавшего. Одну имеет силу: принимает ли кто от иерея одну часть, или сразу многие части»<sup>33</sup> — не дают основания считать, что христиане имели у себя на дому св. Кровь и ею сами причащались. История не сохранила никаких свидетельств о существовании в то время практики напоения св. хлеба от евхаристической чаши. Напротив, причащение на Евхаристии двумя видами Святых Даров в отдельности исключает такую практику хотя бы для домашнего самопричащения. Если учесть цитированные слова Тертуллиана и Василия Великого о домашнем самопричащении святым Телом, то станет понятным происхождение практики совершения литургии Преждеосвященных Даров на евхаристическом хлебе, не напоенном святой Кровью. У Тертуллиана мы имеем первое свидетельство о связи домашнего самопричащения с постом: «Если ты примешь Тело Господне и еще сохранишь, тогда то и другое будет спасительно и участие в жертве и исполнение обязанности (поста)»<sup>34</sup>. Таким образом, причащение Преждеосвященными Дарами, прежде чем стать общественным богослужением, имело значение частного домашнего самопричащения христиан<sup>35</sup>.

Не лишним будет заметить, что освящение через соединение освящаемого с освященным совершалось не только на литургии Преждеосвященных Даров. Таким же образом в Константинополе совершалось освящение мира. В Великий Четверг до литургии священник с диаконом шли в скевофилакию, где стояли сосуды с приготовленным для освящения миром. По возгласе «Благословен Бог наш...» диакон подносил к священнику сосуд с прошлогодним св. миром. Священник особой ложкой разливал из этого сосуда миро в сосуды с приготовленным для освящения миром, минуя первый сосуд. Вливая в каждый сосуд первую ложку освященного мира, священник говорил: «Во имя Отца» (диакон: «Аминь»), вливая вторую ложку: «И Сына» («Аминь») и третью ложку: «И Святаго Духа» («Аминь»). Если после вливания трех ложек в сосуде еще оставалось миро, священник продолжал то же священнодействие, пока не будет розлито все миро. Певцы в это время пели медленно «Вечери Твоя тайныя...» Освятив таким образом новое миро, мыли опорожненный сосуд из-под прошлогоднего мира и переливали в него новое миро из того первого сосуда, в который не вливалось освященное миро. Этот сосуд с неосвященным миром поставлялся на особый стол, а затем на великом входе его переносили в алтарь и поставляли на престоле слева от дискоса. По освящении Даров протодиакон возглашал «Вонмем»; епископ, стоявший слева от престола, снимал покров с сосуда, патриарх трижды осенял сосуд крестным знаменем и читал молитвы «Господи милости, Отче щедрот...» и главопреклонную «Тебе Богу и Владыке всяческих...» Епископ снова покрывал сосуд покровом. По окончании литургии сосуд с освященным миром торжественно относили в скевофилакию, где он стоял, покрытый драгоценным покрывалом до будущего Великого Четверга, так что никто не мог касаться его<sup>36</sup>.

Заметим, что Юго-западная православная Русь почти до середины XVII века держалась греческого порядка причащения священнослужи-

<sup>33</sup> Письмо 89 (93) к Кесарии, жене Патриция, о приобщении. Творения, ч. 6. Сергиев Посад, 1892, с. 201.

<sup>34</sup> О молитве, гл. 19. Творения. Киев, 1915, с. 20.

<sup>35</sup> Прот. Г. Смирнов-Платонов. О литургии Преждеосвященных Даров. М., 1850, с. 17—19.

<sup>36</sup> Подробно этот чин мироосвящения изложен у прот. К. Кекелидзе, «Литургические грузинские памятники...». Тифлис, 1908, с. 171—174.

телей на литургии Преждеосвященных Даров по чину литургии Златоустовой. Сам Петр Могила в Служебнике указывал причащение священнослужителей на литургии Преждеосвященных Даров по чину литургии Златоустовой, с той лишь разницей, что испивание от чаши полагалось не трехкратное, а однократное. Но у православных греков однократное испивание допускается и на полной литургии. Только в Евхологионе, изданном Петром Могилой в 1646 году, появляется статья «О неких исправлениях в служении преждеосвященных службы» (с. 253). Она значительно более кратка сравнительно с аналогичной статьей нашего Служебника. Петр Могила не отменяет обычных реплик при исполнении чаши и вливании теплоты и не запрещает диакону испивать от чаши, но последняя фраза его звучит во всяком случае неподобающе для языка церковного устава: «Егда же от чаши пиши, или диакону подаваши, ничтоже глаголи: ибо тамо простое есть вино, а не Владычняя Кровь, точию церимониялнаго ради обиходу употребляема бывает, вместо полоскания уст» (там же).

Статья «Изъявление о неких исправлениях в служении преждеосвященной литургии» в Московском Служебнике появилась в 1676 году, т. е. на 30-м году после появления аналогичной статьи в Евхологионе Петра Могилы. Тон московской статьи более спокойный. Вместо слов «простое есть вино, а не Владычняя Кровь» сказано: «Ибо аще и священо есть вложением частицы вино, но не пресущественно в Кровь Божественную»; вовсе отсутствует фраза «точию церимониялнаго ради обиходу употребляема бывает, вместо полоскания уст». Но принципиально вопрос был решен в духе схоластического богословия: вино «не пресущественно в Кровь Божественную, понеже над ним словеса священия не чтосяа зде, яко бывает в литургиях Василия Великаго и Иоанна Златоустаго».

В 1677 году вышел из печати «Чиновник архиерейского служения». Подготовка к изданию этой книги началась несколько раньше, чем к изданию Служебника 1676 года. В основу книги было положено «Изъяснение Божественной литургии», составленное по просьбе патриарха Никона приезжавшим в Москву в 1653 году экс-патриархом Константинопольским Афанасием Пателарием<sup>37</sup> и одобренное на Московском Соборе 1667 года патриархами Александрийским Паисием и Антиохийским Макарием<sup>38</sup>. Из «Изъяснения» патриарха Афанасия спрашники заимствовали сведения относительно встречи патриарха, его облачения, осенений и проч., в части же священнодействий Евхаристии их источникам, как и при редактировании Служебника, были Служебник и Требник митрополита Петра Могилы, что видно из помет на черновике чиновника «списать с киевскаго» или «служебник киевский»<sup>39</sup>. Исходным пунктом редактирования священнодействий Евхаристии было сказанное митрополитом Петром Могилой «О форме сиест о образе или свершении Тела и Крове Христовой»: «Образ или свершение Тела Христова суть словеса Господня над хлебом на дискоке на престоле сущом, от иерея глаголемья, сиест: Примете, ядите, сиест Тело Мое, еже за вы ломимое в оставление грехов. Сими словеса хлеб пресуществуется, сиест существо хлеба прелагается истинно в Тело Христово, и по изречении сих Господ-

<sup>37</sup> Афанасий занимал патриаршую кафедру в 1633 году всего 30—40 дней, вторично — в 1634—1635 годах и в третий раз в 1652 году 15 дней, скончался на обратном пути из Москвы 5 апреля 1654 г. близ г. Лубны, канонизован в 1656 году, с совершенем памяти его 2 мая, в день памяти св. Афанасия Александрийского.

<sup>38</sup> «Чин Божественных литургий иже во святых отец наших Иоанна Златоустаго и Василия Великаго, извещенный писанием от вселенскаго Константинопольскаго бывшаго Патриарха, Кир Афанасия Пателария...» имеется в издании «Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов». Москва, 1905, раздел «Книга соборных деяний 1667 года», лл. 42—62.

<sup>39</sup> А. А. Дмитриевский. Отзыв о сочинении М. И. Орлова..., с. 185.

них словес, уже ктому простым хлебом не есть якоже прежде, по существу своему, но истинным Телом Христовым.

Образ или свершение Крове Христовой суть словеса Христова над вином в чаши на престоле сущом, от иерея глаголемыя, сиест: Пийте от нея вси, сия есть Кров Моя новаго завета за вы и за многи изливаемая в оставление грехов. Сими словесы существо вина в Кров Христову прелагается: и по изречении сих Господних словес, уже ктому по существу своему вино не ест простым вином, но истинною Кровию Христовою»<sup>40</sup>.

Под знаком этих слов Петра Могилы они отступили от указаний «Изъяснения» патриарха Афанасия снимать митру и надевать омофор во время пения «Тебе поем» перед призыванием Святого Духа и перенесли это на момент, предшествующий произношению слов «Приимите, ядите...» В «Предисловии» была сделана оговорка о том, что в Афанасиевом «Изъяснении» «обретошася некая неудоборазумная... яже неслична быша со иными отец писаньми» и что эта «неудоборазумная» «приисправишася». В Чиновник было внесено указание на благословение хлеба и чаши и, кроме того, совершение на литургии Златоуста поклонов при произношении установительных слов «Приимите, ядите...» и «Пийте от нея вси...», изъятые из Служебника при патриархе Никоне. Таким образом, отредактированный Чиновник дал больший крен в сторону католического учения об Евхаристии сравнительно с никоновскими Служебниками. Коллизия двух богословий особенно обострилась вокруг самого произношения патриархом слов «Приимите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» Петр Могила, исходя из представления об этих словах как совершительных в таинстве Евхаристии, считал, что при соборных служениях их должен произносить или один предстоятель, или все священники одновременно. Он опасался, что если один из священников скажет эти слова раньше предстоятеля, то освящение совершится не старшим, а младшим, и те же совершительные слова, сказанные предстоятелем с опозданием, окажутся произнесенными напрасно. В связи с этим он писал: «Вестно буди всем иереом, яко егда сбором литургисаете, ни единому от вас не достоин предварити началствующаго в изречении Господних словес, яже сут: Приимете, ядите, и прочая: Пийте от нея вси, сия ест Кров Моя, и проч.: но или с ним купно единою изрещи, или ничтоже глаголати от сих, ибо началствуяй един довлеет к освящению. Аще же который предварит началствующаго, той освятит. Началствуяй же туне по сем изречет, уже освященным сущим Тайнам. Тем же убо да не толикое безчиние в сице страшной и превеликой Тайне деловано будет, или не глаголати освящения словеса, или купно (якоже предречеся) с началником сия изрещи всяко подобает» (с. 244). Нашим справщикам нужно было практически решить эту сложную схоластическую задачу, т. е. изложить текст Чиновника так, чтобы он обнимал комплекс действий патриарха: снятие митры, возложение омофора, благословение хлеба и вина и поклоны с одновременным произношением им и сослужащими ему установительных слов. Трудность совместного произношения этих слов усложнялась еще тем, что патриарху, как правило, сослужили несколько архиереев, архимандриты и священники.

Сохранилось три черновика Чиновника, в которых этот вопрос излагался по-разному. В одном из них указано патриарху на словах «Приимите...» и «Пийте...» снять митру, возложить на себя омофор и по произношении установительных слов делать поклоны. На поле сделано примечание: «Глаголати согласно за едино слово с патриархом всем служащим и прежде патриарха не упреждать и после не глаголати».

В другом списке все это перечеркнуто и подшиты три небольших лоскутка бумаги. На одном из них дано примечание к возглашению

<sup>40</sup> Евхологон, с. 238—239.



«Примите...»: «Патриарх же глаголет, показуя хлеб, возвышает глаголя: Примите». Далее следует несколько пространное изложение указания об одновременном произнесении с патриархом слов установления. На втором лоскутке выписано цитированное выше место из Служебника Петра Могилы издания 1639 года с той лишь разницей, что действующим лицом указан патриарх, а не священник: «Абие патриарх преклонитя святому хлебу в Тело Распятаго Христа Бога нашего, прилагая к сему и свое произволение, и воздвиг десницу свою, сложив персты аки благословити и зря на святыи хлеб, показывает над ним». На третьем лоскутке: «Сему же глаголему патриарх со служащими низко поклоняется Божественному Христову Телу единости. Архидиакон же преклоняет и той свою главу, держа и орарий тремя персты десныя руки и показывает патриарху святыи дискос. Патриарх же тайно глаголет: «Подобне и чашу по вечераи глаголя», паки преклонив главу с умилением (следует аналогичное вышеприведенному замечание о возгласе «Пийте», а также предписание о поклоне после него: «низко поклонився единости Божественным Тайнам, главу преклонь глаголет: Поминающе...»).

И, наконец, третий черновик, близкий к современному тексту, но в нем нет указания произносить вместе с патриархом слова «И сотвори убо хлеб сей...» и проч. Итак, три черновика, один — более сдержанный в отношении изложения схоластического учения об Евхаристии, второй — предельно ясно выражающий римское учение о времени преложения Святых Даров, и третий можно назвать осторожным в этом отношении. Однако указания в нем на благословение хлеба и вина при произношении слов «Приимите, ядите...» и «Пийте от нея вси...», поклоны после произношения этих слов и отсутствие указания на совместное произношение всеми сослужащими с патриархом слов «И сотвори убо хлеб сей...» и проч. обнаруживают у редактора этого черновика наличие прокатолической тенденции. Кто внес в последнюю редакцию существующее в печатном чиновнике дополнение: «Подобне купногласно же глаголати всем тайно, над дискосом: И сотвори убо хлеб сей; также же и над чашею: А еже в чаши сей: и прочая», — неизвестно. Полагают, что это сделал Евфимий, позднее в хлебопоклоннических спорах выступивший как защитник православного учения<sup>41</sup>.

Коллизия двух богословий отразилась и при исправлении Требника в «Последовании о исповедании» и в «Чине, егда случится вскоре вельми больному дати причастие».

Покаяние существовало еще в первые века истории Церкви. Основанием к этому было наставление апостола Иакова: «Исповедайте убо друг другу согрешения и молитесь друг за друга, яко да исцелете: много бо может молитва праведнаго поспешествуема» (5, 16). Обрядовая сторона исповеди, по-видимому, соответствовала указанию апостола. Согрешивший каялся перед всей церковью, и та молилась Богу о прощении его греха. Так было по крайней мере до середины IV века, что видно из 12-го правила св. Григория Неокесарийского, где хотя кающиеся уже разделены на четыре группы (плачущие, слушающие, припадающие и купностоящие), но в отношении первой ступени покаяния — плача говорится, что плачущий должен стоять вне врат молитвенного храма и просить входящих в него, «дабы они помолилися за него», а в «Постановлениях Апостольских» приводятся ектения и молитва епископа о кающихся, которые произносились на каждой вечерне, на утрени и на Евхаристии<sup>42</sup>. Актом завершения покаяния было причащение Святых Таин,

<sup>41</sup> И. А. Карабинов. Святая чаша на литургии Преждеосвященных Даров, с. 24. Здесь же, с. 23–24, примеч. 60, указание на место хранения вышеописанных черновиков.

<sup>42</sup> Кн. VIII, гл. 8 и 9.

о чем в 12-м правиле св. Григория говорится: «Конечное же есть причастие Святых Таин».

В IV веке становится известной исповедь не перед всей церковью, а перед духовником<sup>43</sup>. Иоанн Златоуст в 4-й беседе о Лазаре говорит: «Не принуждаю я тебя выступать как бы на театральную сцену, в присутствии многих свидетелей, мне одному Расскажи свои тайные грехи, чтобы я излечил рану и избавил тебя от болезни»<sup>44</sup>. Но какова была литургическая форма этого духовного врачевания,—остается неизвестным.

Известный в науке самый ранний чин исповеди впервые был издан в Венеции в 1702 году Иоанном Моринусом — «*Commentarius historicus de disciplina in administratione sacramenti poenitentiae*»<sup>45</sup>. Рукопись относится к X в., чин же приписывается св. Иоанну Постнику, патриарху Константинопольскому. Чин довольно сложный. Возможно, что он в более простой форме был составлен св. Иоанном и позднее постепенно дополнялся молитвами. Его последовательность: возглас, Трисвятое, псалмы 6, 24, 50, славословие, еще псалмы 31, 69, 101 и тропари: «Скверну моей души узрех», «Плавающий в бездне...» «К Богородице прилежно ныне притецем» и молитва «Господи Боже наш, Отче всех и Владыко...» После этого кающийся исповедовал духовнику свои грехи, затем духовник ему говорил: «Владыка и Господь Бог наш Иисус Христос да простит тебе все, что ты исповедал моему недостоинству пред лицом Его». Далее духовник читал 7 молитв: 1) «Боже, простивый Давиду, исповедавшу вся чрез Нафана, и Петру...», 2) «Боже, вочеловечивыйся и носяй грехи всего мира...», 3) «Боже, Спасителю наш, Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду...», 4) «Владыко Господи Боже, призывает праведных во освящение...», 5) «Господи Боже, спасения рабов Твоих, милостиве и щедре и долготерпеливе, кающийся о наших злобах...», 6) «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, Агнче и Пастырю...», 7) «Отче Господи мой, не предай раба Твоего в руки диавола...» Затем читалась паремия из книги пророка Иезекииля, гл. 18, ст. 21—28, и Евангелие от Луки, гл. 5, ст. 1—10, потом Трисвятое и опять вышеуказанные тропари, «Господи, помилуй» три раза и отпуст. Далее (сбоку) приписана молитва на разрешение епитимии: «Благоутробне Господи, Блаже и Человеколюбче, Иже Твоих ради щедрот ниспославши Единороднаго Твоего Сына...»

Чин с именем св. Иоанна Постника можно назвать основой, на которой создавались чины исповеди в Греческой, Русской и Южнославянских Церквях в течение XI—XVII столетий. Они изменялись или в сторону сокращения, или, наоборот, дополнялись. Паремия заменялась чтением Апостола, частично изменялся состав псалмов и молитв и их последовательность, но при всем этом разнообразии, затрудняющем их классификацию, во всех этих чинопоследованиях красной нитью проходит мысль о том, что таинство Покаяния есть духовное врачевание, а средством врачевания является совместная молитва кающегося и духовника. В некоторых чинопоследованиях духовник на каждый грех, поведенный ему, говорил кающемуся: «Бог ти простит, чадо». Иногда же чин завершался обращением духовника к поведавшему грехи. По образу Спасителя, взявшего на себя грехи всего мира, он принимал на себя грехи кающегося, говоря ему: «На мой вые согрешения твоя, чадо, и да не истяжет тебе о сих Христос Бог, егда придет во славе Своей на суд страшный»<sup>46</sup>. В другом Требнике указано завершение исповеди со-

<sup>43</sup> Сократ. Церковная история, V, 19; Созомен. Церковная история, VII, 16.

<sup>44</sup> Творения, т. I. СПб., 1895, с. 833.

<sup>45</sup> Venetia, 1702, p. 616—625.

<sup>46</sup> Рукопись нач. XVII в. Ленинградской публичной библиотеки, собрание Общества любителей древней письменности, № 212, л. 118 об.

вершать следующим образом: после того как кающийся поведает духовнику свои грехи, последний кладет его правую руку на Евангелие и крест, а левую себе на шею и говорит: «Чадо, грехи твои Господь на кресте привоздил и рукописание раздра и сатану связа. Бог, чадо, прости ты во всех тобою реченное (надо читать «реченных») в нынешний век и в будущем, кому (надо читать «ктому») не истежит Бог от тебе твоего согрешения, но от моя выя»<sup>47</sup>. В некоторых Требниках указывалось, чтобы духовник, завершая исповедь, читал молитвы о прощении грехов покаявшегося «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго...» и др. и, кроме того, молитву «за ся», в которой просил Бога простить ему собственные грехи и завершить дело исповеди: «На Твое милование, Господи, предах аз мое сердце и мою мысль, в Твоей любви живот мой утверди, и праведный Свой гнев отложи. Моя же словеса и мое дело скончай, Господи»<sup>48</sup>.

Печатание богослужебных книг содействовало унификации чинопоследований исповедания. В Греческой Церкви этот процесс завершился к концу XVII века, и чинопоследование, изложенное в Евхологионе издания 1692 года, сохраняется до настоящего времени почти неизменным. Чинопоследование значительно упрощено сравнительно с более ранними рукописными, но в нем сохранена древняя идея таинства Покаяния: сначала идут молитвы перед исповеданием грехов, затем самое исповедание, которое завершается молитвой духовника о прощении грехов кающегося.

Русский чин исповедания существенно был изменен при издании Требника в 1658 году. Как видно из расположения чинопоследований в этом издании, справщики следовали не старым русским Требникам, а греческому Евхологиону. Вместе с тем использовались и печатные Евхологионы: Киевского, Стратинского и Острожского изданий. Применительно к греческому чину был опущен ряд псалмов, молитв, Апостол и Евангелие, а перед «вопрошанием» грехов было внесено из Евхологиона Петра Могилы обращение к кающемуся в измененном виде, начинавшееся словами: «Се, чадо, Христос невидимо стоит...» Затруднение возникло с завершением чинопоследования. Во всех старых русских Требниках, как и в греческих, чинопоследование заканчивалось молитвой духовника о прощении Богом грехов кающегося. Здесь справщики, воспитанные в схоластическом богословии, где таинство Покаяния не мыслится без формального разрешения грехов, оказывались в затруднительном положении и нашли выход в том, что внесли в заключение чина молитву из Евхологиона Гоара: «Господи Боже спасения рабов Твоих...», с небольшим сокращением. Хотя эта молитва не носит характера разрешительной формулы, напротив, вполне соответствует духу молитв православного чина исповедания и имеется в чине св. Иоанна Постника (5-я молитва), они внесли ее как разрешительную, поскольку Гоар дал к ней разъяснение, что ее употребляют в качестве разрешительной калабрийские, апулийские и сицилийские греки и некоторые в Венеции<sup>49</sup>. Когда же в 1671 году вновь переиздавался Требник, то в нем к молитве «Господи Боже спасения рабов Твоих...» была прибавлена формула «совершения тайны святаго покаяния», которую справщики заимствовали из Евхологиона митрополита Петра Могилы (с. 346) и которой завершается покаяние в «*Rituale sacramentorum*»<sup>50</sup>.

<sup>47</sup> Рукопись XVI в. Ленинградской публичной библиотеки, Софийское собрание, № 1090, л. 516 об.

<sup>48</sup> См., например, старообрядческий Потребник, переизданный в старообрядческой типографии, в Уральске, в 1908 г., л. 135 об.

<sup>49</sup> *Εὐχολόγιον*. Изд. 2-е, с. 540.

<sup>50</sup> *Rituale sacramentorum*. Krakoviae, 1892, p. 126.

МОСКОВСКИЙ ТРЕБНИК ЕВХОЛОГИОН М. ПЕТРА  
1671 г.

## МОГИЛЫ

RITUALE  
SACRAMENTORUM

Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да прости ты, чадо имярек, вся согрешения твоя: и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да прости ты, чадо имярек, вся согрешения твоя: и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца + и Сына + и Святаго Духа+. Аминь.

Dominus noster Jesus Christus te absolvat: et ego auctoritate ipsius te absolvo ab omni vinculo excommunicationis, suspensionis et interdicti in quantum possum, et tu indiges. Deinde ego te absolvo a peccatis tuis in nomine Patris + et Filii + et Spiritus Sancti+. Amen.

Дело, конечно, не в том, что эта формула католического происхождения, а гораздо глубже. За литургической стороной чинопоследования исповеди лежит глубокая проблема этико-психологического значения, проблема падения и исправления личности в свете христианского учения о спасении человека. И здесь столкнулись две точки зрения на этот вопрос: мистико-психологическая, присущая святоотеческому богословию, и формально-юридическая, свойственная схоластическому. С этой коллизией двух точек зрения в свое время сталкивалась и Греческая Церковь. Патриарх Каллиник V (1801—1806 и 1808—1809) считал молитвенную формулу завершения исповеди неудовлетворяющей и резко о ней отзывался. «Молитва обычно принятая,— писал он,— есть заблуждение и не дает разрешения, но пусть (духовник) произносит: «Благодать Святаго Духа мной, недостойным, да имеет тебя разрешенным и прощенным во всем, что исповедал предо мной», или же: «Разрешаю исповеданные тобою согрешения, во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Если же так сделаешь, то будет разрешенным и прощенным, если же будешь разрешать его обычной молитвой, то исповедавшийся христианин не будет разрешен от грехов его и грех его будет на раменах духовника»<sup>51</sup>. Мнение патриарха Каллиника вызвало возражение со стороны Никодима Святогорца. Не указывая имени патриарха и называя автора вышеупомянутого труда «одним человеком высокого церковного именованья», Никодим писал, что это мнение чуждо учению Православной Церкви. При этом он ссылаясь на Иоанна Златоуста, который говорил, что пророк Нафан не сказал Давиду: «я прощаю», но: «Господь отпустил согрешение твое»<sup>52</sup>. В церковных кругах был принят взгляд Никодима Святогорца, и это нашло отражение в наставлении духовника, которое он говорит, выслушав исповедь: «Чадо мое духовное, исповедующийся моему достоинству! Я недостойный и грешный не имею власти отпускать грех на земле, только Бог! Но по Богореченному слову, бывшему по воскресении Господа нашего Иисуса Христа к апостолам, возвестившему: «Кому отпустите грехи, тому отпустятся», и мы дерзаем сказать: «Что поведал моему худому смиренню и что не успел или по незнанию или по забвению, все то да прости тебе Бог в нынешнем веке и в будущем». Сказав это, греческий духовник читает молитву: «Боже, простивый Давиду через Нафана...» Этим греческий чин заканчивается.

В результате непоследовательности в работе справщиков, на кото-

<sup>51</sup> Καλλινικός. Διδαχαιλία πρός τοὺς πνευματικούς πατέρας. Вена, 1787, пролог, с. 10—11.

<sup>52</sup> Ἐξομολογήματα. Изд. 9, Венеция, 1885, с. 77—78.

рую указывал проф. Н. Ф. Каптерев, русский чин исповедания оказался несогласным с чином греческим. Более того, до конца не продуманное использование источников для исправления придало чинопоследованию внутреннюю противоречивость. В Евхологионе Петра Могилы, в обращении к кающемуся «Се, чадо, предложил еси покаяться и исповедати Господеви грехи твоя...», иерей говорит: «...К симже твердо веруй, яко Христос Господь мною аще и недостойным иереем и наместником и судией своим, образ его на себе носящим, емуже дал ест власть связати и раздрешати, раздрешит тя от всех грехов твоих...» (с. 351—352). Затем перед разрешительной формулой имеется молитва «Владыко Многомилостиве, Господи Иисусе Христе Боже наш, верховному Твоему апостолу Петру и прочим апостолам Твоим ключи Царствия Небесного вручивый...», в которой иерей молится: «Сам Преподобий Царю, мною смиренным и непотребным рабом Твоим прости рабу Твоему имярек, аще что в настоящем житии яко человек согрешил ест, и отпусти ему вся, елика словом или делом или помышлением согреси, раздрешив ему и належачий каковем либо буди образом союз. Твое бо есть еже милovati...» (с. 355—356). Справщики не только сократили обращение духовника, но в известной мере изменили смысл его, исключив произносимое духовником о власти его вязать и решить и внося фразу: «Се и икона Его перед нами: аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую перед Ним вся, елика речеши мне». В результате такого редактирования духовник оказался в двойственном положении перед кающимся. До выслушания исповеди он только свидетель, причем заверение в этом значении он подкрепляет указанием на предстоящую икону Христа, а по выслушании исповеди он же становится обладающим властью прощать и разрешать.

Неудачное исправление чина исповедания, по-видимому, было предметом смущений и споров. Так можно полагать, потому что при издании Требника в 1687 году, редактируя «Чин, егда случится вскоре вельми больному дати причастие», справщики отказались от следования Евхологиону митрополита Петра Могилы и взяли за основу чин московского Служебника 1602 года (этот чин прежде помещался в Служебнике), а также Стрятинского и Острожского Требников 1606 года, в которых не было разрешительной формулы. В отредактированном чине было сказано: «И по исповедании глаголет иерей молитву сию «Господи Боже наш, Петрови и блуднице...», т. е. ту, которая в Острожском Требнике имела значение завершающей таинства Покаяния. Разрешительную же формулу в этот чин не внесли. Итак, в Требнике 1687 года оказалось два разных исповедания: один — для здоровых людей, с завершением в духе западного обряда, и другой — для больных в духе восточного.

Окидывая ретроспективным взглядом историю исправления богослужебных книг во второй половине XVII века, следует отметить, что по мере того, как происходило исправление книг, противоречия в последнем не уменьшались, а увеличивались. На почве неудачных исправлений и противоречивости книг на Печатном дворе возникли споры о времени пресуществования Святых Даров. Сначала это были споры между ведущими работниками Печатного двора — первым справщиком Евфимием, который в течение многих лет работы на Печатном дворе значительно изменил свои богословские представления в сторону Православия, и книжным хранителем архимандритом Сильвестром Медведевым, который в данном случае держался западного учения. Спорщики защищали свое мнение посредством соответствующих трактатов. Трактаты же выносили спор далеко за пределы Печатного двора, привлекая новых спорщиков. Характерно, что в действиях вовлеченных в спор была такая же непоследовательность, как и в изданиях Печатного двора. Так, например, патриарх Иоаким, утвердивший своей подписью

и подписями семи архиереев архиерейский Чиновник издания 1677 года (подписанный список Чиновника хранится в Московском Историческом музее, собрание Синодальной библиотеки, № 125/1350), позднее в разгар полемики о времени пресуществления Святых Даров стал запрещать совершение поклонов и совершающих их называл хлебопклонниками<sup>53</sup>. Дмитрий же Ростовский, разделявший взгляд Сильвестра Медведева, по поводу такой непоследовательности патриарха писал: «То убо и дивно есть, яко от единех уст истече сладкое и горькое»<sup>54</sup>. Евфимий, внесший в Служебники никоновских изданий указание на благословение даров при произношении установительных слов Господа, в разгар полемики выступает против Сильвестра Медведева, учившего о пресуществлении Святых Даров в этот момент, и называет это учение «злоразглагольством» и «ядом ереси латинской»<sup>55</sup>. Разрядка полемической атмосферы и преклонение перед ученостью схоластического богословия наступили в последние годы жизни патриарха Иоакима, благодаря проявленной им в эти годы энергичной деятельности в защиту православного богословия как в самой Москве, так и в украинско-белорусских епархиях, откуда заносилось в Москву схоластическое богословие.

Содействовали тому и внешние обстоятельства, связанные с судьбой справщиков Евфимия и Сильвестра Медведева. В 1689 году патриарх поручил Евфимию редактирование месячных Миней. Евфимий повел это дело неудачно, допустил «странные речения», в результате чего подвергся царской опале. На Печатный двор последовал указ, в котором говорилось: «И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя России самодержцы советовали о том со архиереи и говоря с своими государскими бояры указали... и впредь ему Евфимию у правления книг они великие государи быть не указали для того, что от его Евфимиевых переправленных и приписных нововводных странных речений в церквах Божиих мятежу, а в людех сомнения и никакого разгласия, а их государственной денежной казне в книжной переделке убытков не было»<sup>56</sup>. С должности ведущего справщика Евфимий был переведен в переводчики.

Судьба Сильвестра Медведева сложилась еще более трагично. В том же, 1689 году он был удален из Печатного двора, а в январе 1690 года состоялся собор, осудивший его за «латинские мысли». Лишенный сана, Сильвестр, теперь «Сенка Медведь... царским судом (был) истязан до пролития крови и дан в вечное хранило» в Троице-Сергиев монастырь, а 11 февраля 1691 года после новой пытки огнем и железом он был обезглавлен «при том же Троицком монастыре, на площади» за связи с заговорщиками, которые намеревались «благоверную царевну и великую княжну Софию Алексеевну короновать царским венцом»<sup>57</sup>.

Отстранение Евфимия с поста ведущего справщика и казнь Сильвестра Медведева подорвали в глазах московского общества репутацию учености киевских богословов. Естественно, возник вопрос об исправлении книг, редактированных Евфимием. И хотя Московский Собор 1667 года решительно запретил ревизию новоправленного Служебника: «Книга служебник якоже прежде исправися и печатася, и ныне при нас прилежно свидетельствовася от всего освященного собора и печатася в лето 7175 (1667), такожде и впредь да печатают, и никтоже да дерзнет от ныне во священнодействие прибавити что или отъяти или

<sup>53</sup> Г. Миркович. Указ. соч., с. 203—228.

<sup>54</sup> Там же, с. IX.

<sup>55</sup> Там же, с. 81—82.

<sup>56</sup> И. Мансветов. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883, с. 57—58.

<sup>57</sup> С. Соловьев. История России, т. XIV, с. 128.

изменить. Аще и ангел по нас будет глаголати что ино, да не имете веры ему»<sup>58</sup>, на Печатный двор последовал указ патриарха: «7207 (1699) лета, марта месяца в 18 день, Великий Господин, Святейший Кир Адриан, архиепископ Московский и всея России и всех северных стран Патриарх, указал в книге служебник в литургии Василия Великаго, над словесы: «Даде святым Своим учеником и апостолом рек: «Примните, ядите, сие есть Тело Мое» и «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя» указ в тое время священнику благословляти креста знаменем отставить (т. е. устранить) для того, что будет благословение впереди, в совершении святого сего таинства: «И сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа Твоего. А еже в чаши сей Кровь». И в греческих древних и в словенских харатейных нигде в тое время указа не обретається. И о том у восточной нашей церкви с римскою западною величием и доводы в книгах многие, како они о том противно мудрствуют. А егда Святейший Патриарх сие указал отставить, при том быша и советоваша архиереи Тихон, митрополит Сарской и Подонской, Иларион, митрополит Суздальской и Юрьевской»<sup>59</sup>. На основании этого указа в 1699 году вышел из печати Служебник в том виде, в каком он печатается и до настоящего времени.

В 1700 году патриарх Адриан скончался. Наступило время коренных реформ церковного управления: отмена патриаршества и учреждение коллегиального управления Церковью—Святейшего Правительствующего Синода. Естественно, что все внимание иерархии было уделено этой реформе. Но в 1721 году Петр Великий потребовал от Синода издания архиерейского Чиновника в связи с новыми титулованиями государственных и церковных властей. Главный справщик Федор Поликарпов посмотрел на исправление Чиновника глубже и обратился в Синод за разъяснением в связи с тем, что в Чиновнике «в священнодействии обретаются сомнения». Он указал на эти «сомнения».

«Лист 123-й,— писал он.— На страшных Христа Спасителя нашего словесех, еже: Примите, ядите и Пийте от нея вси и проч. в Чиновнике сем печатано (речь идет о чине литургии Иоанна Златоуста) лик творит поклон, а ныне в служебниках оставлено и при том же Святейшем Патриархе Иоакиме и Адриане было о сем великое словопрение и состязание».

«Лист 201. В литургии Василия Великаго напечатано: патриарх же и прочии сослужащии таяжде и zde творят (явлено, яко поклоны). На том же листе снизу строка 6 возглашает патриарх руку имея свыше с благоговением и благословляя глаголет, а в новых служебниках, еже благословляти, оставлено».

В заключение Поликарпов писал: «А без вашего собственно соборнаго подписания мне единому простолодину толь великаго тайноводственного сего дела касатися следует главное бедство»<sup>60</sup>. Синод оставил запрос Поликарпова без ответа, очевидно, опасаясь того же «бедства». На этом история исправления богослужебных книг закончилась.

Все описанное представляет «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой», тем не менее, мне кажется, оно может быть историческим уроком для современных христиан. Для каждого христианина — вне зависимости от его конфессиональной принадлежности — слова Господа «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21) являются непреложной заповедью, ибо если для людей вообще священными являются предсмертные желания их близких, то тем более священны для нас слова пред-

<sup>58</sup> Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1905, д. л. 15 об. и 16.

<sup>59</sup> Цит. по книге проф. А. А. Дмитриевского «Отзыв о сочинении М. И. Орлова «Литургия святого Василия Великаго», с. 189.

<sup>60</sup> Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I, с. 249—250.

смертной молитвы Богочеловека. Но как достигнуть этого единства людям с различной национальной психологией и различным историческим прошлым народов, христианских по вере и нехристианских в отношениях друг с другом в прошлом? Из церковной печати известно, что протестанты видят это единство в евхаристическом общении с инославными, оставляя в стороне расхождения в вероучении; православные, наоборот, считают необходимым условием этого общения единство вероучения и только на этой основе считают возможным евхаристическое общение. Мне кажется, что правы последние, потому что без единомыслия невозможно таинственное переживание евхаристического общения. Говоря образно, между тем и другим евхаристическим общением будет такая же разница, которую мы чувствуем между семейной, или дружеской, трапезой и трапезой людей, случайно встретившихся в пути и любезно угощающих друг друга.

Но если основой для евхаристического общения должно быть единство веры, то как достигнуть этого единства людям, разобщенным столетиями и создавшим за это время свои конфессиональные воззрения, благочестивые предания и традиции? Путь к этому иногда видят в богословских диалогах, в задачу которых ставят установление общих точек зрения, оставляя в стороне расхождения. Живое общение с инославными полезно, и сближение с ними радует, но достижение церковного единства, как мне кажется, будет возможным только, если христиане всех конфессий — и в первую очередь богословы — в своих воззрениях и, в частности, при рассмотрении конфессиональных расхождений будут исходить из святоотеческого учения и древнецерковных установлений и традиций, не акцентируя внимания на авторитетах исторических личностей и соборов. Само собой разумеется, что внимание их будет обращено на главное — на существо веры, имеющей свидетельство святоотеческого учения, а не на обрядовую сторону, которой иногда придается слишком большое, даже догматическое значение.

---